

ПАРАД ПОБЕДЫ

Пробежала трава по опушке.
Над рейхстагом развеялся дым,
И запели царевны-лягушки
По прудам и болотам родным.
Поднимались хлеба и бурьяны,
И катилась к востоку война,
Присыпала кровавые раны
Белым цветом черёмух страна.
Лишь в июне по воле кремлевской,
Лишь когда расцвели васильки,
На горячем коне Рокоссовский
Объезжал фронтовые полки.
Сапоги, плащ-палатки и каски –
Прост и грозен военный наряд.
Мелкий дождик, неяркие краски,
Над сердцами мерцанье наград.
Все готовы по залпу орудий
По брусчатке впечатывать шаг.
И крутые, железные люди
На гранитный взошли саркофаг.
Первым тот, на которого ропщем,
И доселе, поверьте, живой,

Невысокий, рябой, и всеобщий,
И сегодня у каждого свой.
Иностранцы глядели с опаской,
Как в мундире, как будто в броне,
Выезжал из-под звонницы Спасской
Красный Маршал на белом коне.
И пошли они твёрдо и резко –
У знамён боевые клинки –
Сталинграда, и Крыма, и Бреста,
И балтийских кампаний полки.
И в разрывах салютного дыма,
Что над площадью вился роясь,
Непреклонно, как глас Серафима,
Барабанная дробь раздалась.
И по знаку командной десницы
Вдруг сомкнула Москва берега.
И упали, как мертвые птицы,
Боевые знамёна врага.
А полки уж почти бестелесны,
Растекаясь на два рукава,
Шли по спуску, где Чудом Небесным
Открывался им Храм Покрова.

* * *

Когда луна в своей четвёртой фазе
Монгольской девой припадёт к окну,
Я от мостков на рыболовной базе
Двухвёсельную лодку оттолкну.
И золото воды, стекая с вёсел,
Там за кормой оставит буруны,
И божий мир, не знающий ремёсел,
Откроет все четыре стороны.
Я поплыву по световой дорожке
Вослед за незаметным ветерком,
Туда, где лилий детские ладошки
Сомкнутся к ночи над своим цветком.
И в медленном теченье речки сельской
Затрут за мною мокрые следы.
Лишь маковки, похожие на сердце,
Лягушками проглянут из воды.
Какой наив разлит на росных ивах,
Какой мотив овладевает мной,
И пошлый шум спесивых и глумливых
Останется у лодки за кормой.

* * *

Ещё горит сияющая млечность
И молода вода в ночной реке...
Мои друзья уходят в бесконечность,
По одному уходят, налегке.
Освободившись от земного груза,
Я верю, что они идут на свет,
А там поёт пленительный Карузо
И сладкие стихи читает Фет.
Здесь ходики стучат неумоимо,
Пылают звёзды и шумят леса.
О, Господи, я верю в чудеса!
Но отчего печаль неумолима?

* * *

Беру костыль – опять меня мотает –
И самому себе твержу: держись! –
Презренного металла не хватает
На скромную оставшуюся жизнь.
И точно, не оставлю я наследства
Благодаря аптекам и врачам.
Мне много лет. И я впадаю в детство.
И мама не утешит по ночам.
Но продолжает Божий мир вращаться,
Наркоз стихов кончается уже –
И лишь душа не хочет возвращаться,
Таится, словно утка в камыше.
Мир полон и больных, и без гроша.
Но унывать – нестоящее дело.
И потому прошу тебя, душа,
Не покидай страдающее тело.

ЗАЧЕМ?

Зачем я видел белый свет,
Где цвёл кипрей и пели птицы,
Где солнце, как велосипед,
Вращает золотые спицы?
Зачем я слушал шорох звёзд,
И вновь соединяюсь с мраком,
И мир на мне поставит крест
Кладбищенский за буераком –
С неодолимой глубиной,
Под медной лунною печатью,
С неопалимой купиной,
С неумолимою печалью?

* * *

В гудках портовых сухогрузов,
Где чайки белые парят,
В одесском Доме профсоюзов
Русскоязычные горят.
Горят в побоях и проклятьях,
И понимая наконец,
Что память о Солунских братьях
Тупых не трогает сердец.
По этажам пустого зданья
Лишь пепла чёрная бразда,
Где от Христова состраданья
Отмежевались навсегда.

* * *

С историческим временем слился
Он, оставивший нам на века
Ту гармонию звука и смысла,
Тот бессрочный масштаб языка.
Мы кичимся эпохой иною,
Чтоб служить одному животу,
С безразмерной своей болтовнёю
В темноту мы идём, в немоту.
Слово Пушкина ясно и красно
И сегодняшней жизни полно,
Потому что оно сообразно
И, как Бог, соразмерно оно.

* * *

Как близкий гром,
Гремят метеосводки,
Грозой грозя.
Теперь тебе ни водки,
Ни молодки
Почти нельзя.

Не примеряется
К небесным высям
Твоя звезда:
Ты так печально
Метеозависим
Стал навсегда.
Ты стал почти
По шучьему веленью
Зависим от
Барометра, рецепта, и давленья,
И неких льгот.
Пред внешним
Непреложным содержанием
Твой пыл угас.
Но будит ночью
Раздражённым ржаньем
Тебя Пегас.

ДАВНЕЕ

Сентябрьская пора кустодиевских красок,
Беспечных воробьёв крылатая лапта.
День холоден чуть-чуть, но солнечен и басок,
И потому в душе сплошная лепота.
У нас в саду петух сидит на новой бане,
Кричит на свой гарем картавым говорком,
А в банной глубине, в сплошном парном тумане
Ты веником шуршишь и пахнешь молоком.
Восторженным глазам прозрачны даже стены,
Они и лист стальной готовы проколоть.
Когда же, наконец, как в древности из пены,
Появится твоя сверкающая плоть?
Я, кажется, рискну туда к тебе ворваться,
Чтоб жаркий пар смешать с осенним холодком.
Я визга не боюсь, мне ль веника бояться,
Неужто ты меня остудишь кипятком?

* * *

Когда померкнет в небесах,
Стихают стрелки на часах,
Я засыпаю. И во сне
Ты возвращаешься ко мне.
Ко мне тыходишь босиком.
Сверчок поёт за косяком,
И гладит волосы слегка
Твоя прозрачная рука.
И комната моя светла,
Как от парного молока,
И как астральные тела,
Летят по небу облака.
И этот шорох, этот свет

Смиряет горечь долгих лет,
И ветер ночной в печной трубе
Поёт негромко о тебе.

Г. К.

Не повернуть направо и налево,
Былых забав не воротить назад,
Гляжу вперёд, как улетает в небо
Моих страстей печальный стратостат.
Во мне обыденные фас и профиль,
А все грехи закрыты на замок.
Остались только жидкий чёрный кофе
Да сигаретки голубой дымок.
Теперь беру за ручку только палку,
Чтобы вживую перейти бульвар,
И в гастроном явлюсь, как на рыбалку,
Как по грибы, отправлюсь на базар.
Но всё же я люблю и жизнь такую
И скорого ухода не ищу,
Но, признаюсь, по прошлому тоскую
И по весёлой нежности грущу.

* * *

Все заботы уйдут. Все обиды простятся,
Мне бы только дойти до того хуторка,
Где свободно грудью дышит пространство
И ликующий свет излучает река.
В горькой памяти лётся тропинка витая
И высокие птицы смелы и вольны
Там, где мама смеётся моя молодая
И целует отца: он вернулся с войны.
Я устал. Я измучен тоской неживою,
Окаянному сердцу так нужен покой.
Я б уткнулся в подол ей седой головою,
Я б отцовских медалей коснулся рукой.
Дорогие мои, вы записаны в святцы,
И пространство молчит, как приёмный покой.
Не будите меня. Не хочу просыпаться.
О, мой сон золотой. Мой сон золотой.

* * *

Я вспоминаю всё пуще и пуще
Рубленный дом, на верёвках бельё,
Спелой черёмухи райские кущи,
Ясное солнышко – детство моё.
Мама с цыплятами в пёстром подоле,
Сжатых полос золотое жнивье,
Дальняя песня и чистое поле,
Ясное солнышко – детство моё.

Солнце в снопах и луна над амбаром,
В сенах – телёнок, в саду – соловей.
Всё это было мне отдано даром
Кроткой душою – Россией моей.
Слушать и слушать бы шелест берёзы,
Видеть лицо молодое твоё.
И вспоминать сквозь счастливые слёзы
Ясное солнышко – детство моё.

* * *

Вот и ветер затих полевой,
Вот и красное солнышко село.
Я ныряю седой головой
В молодое пахучее сено.
Каждый шорох болота сосут.
Выползает туман из оврага.
В тихий пруд, как в стеклянный сосуд,
Наливается лунная брага.
Колыбельную песню пропой
Надо мной, соловейко безвестный,
Уведи моё сердце тропой
В край, где свет затаился небесный.
Надо спать. Надо спать. Надо спать.
Светлячки догорают, как свечки.
Может быть, мне привидится мать
На родном деревенском крылечке.

* * *

Кружатся комары, как рой веснушек,
В росе дымятся песни и стихи,
В пруду поёт весенний хор лягушек,
И «петуха пускают» петухи.
Не говори, что счастьем нет возврата,
И по ветру тоску свою развей.

Давай поверим, что душа крылата,
Когда в саду лютует соловей.
Весна пришла! Забудь о зимнем мраке,
Нам и сейчас влюбляться не слабо.
В манишке дрозд.
Скворец в концертном фраке.
Ударник дятл в малиновом жабо.
Попробуем опять на годы плюнуть
И отодвинем стрелки на часах.
У пташек червячки и ноты в клювах
И юркие горошинки в глазах.
И солнышко прищурило ресницы,
И в роднике курлыкает вода.
И мы с тобою тоже будем птицы,
И улетим однажды навсегда.

ОСЕННЕЕ УТРО

На часах половина восьмого,
Синий иней на поздних цветах.
Всё, что было, – об этом ни слова.
Всё, что будет, – известно и так.
Счёт не кончен. Итог однозначен.
Мир лишь помыслом внешним храним.
День осенний колоч и прозрачен,
Лист опавший ветрами гоним.

Как ракиновый куст, облетаю,
Словно яблони в стылых садах.
Обретаю себя, обретаю
И твердою, как лёд на прудах.
Я готовлюсь метельным набегом
Раствориться в бескрайних краях,
Белым снегом, торжественным снегом,
Звёздным снегом лежать на полях.

